

Глава 5

Отец с сыном вернулись домой уже за полдень.

Утреннее солнце скрылось за плотными тучами, и вскоре с неба посыпалась мелкая водяная пыль, похожая на сахарную пудру. Такой дождь не мог промочить одежду насквозь, лишь освежал воздух, наполняя его запахом сырой земли и шумом бамбуковых листьев, шелестящих у дороги.

Едва они переступили порог, Тао Синъюн отправился пристраивать телегу, а Цинъюй напрямиком направился в кухню.

Зимой здесь всегда было людно: дети, точно котята, жались к топке, греясь у огня. Стоило Цинъюю войти, как три пары глаз тут же уставились на него. Тао Цинцзя, заметив пятна грязи на одежде брата, нахмурил маленькие бровки:

— Гэ-гэ, ты что, упал?

— Нет, — отмахнулся юноша. — Это один слепой осел в лужу наступил и меня забрызгал. А вы чего здесь втроем? Где остальные?

— Старший дядя ушел в комнату, — отозвался Цинъя.

— А папа пошел с ним, — добавил Цинмяо.

Цинъюй кивнул, принимая объяснения.

— Смотрите за огнем, а я пойду обмоюсь.

Когда он переоделся и вышел, в кухне к детям присоединился Ян Цюэ.

— Сяо-саньшу, на ужин у нас будет рыба, — сообщил юноша, завидев родственника.

Цинъюй достал принесенные куски рыбы и выложил их в таз. Он уже засучил рукава, собираясь приняться за чистку, но Ян Цюэ мягко отстранил его руку.

— Сходи к своему папе.

Юноша на миг замер:

— Что-то случилось?

— Да всё из-за того же, — вздохнул тот. — Из-за твоего дела.

— Он уже знает?

— Еще бы не знать! Как только вы уехали, он тоже вышел. Вернулся с палкой толщиной в руку, зубами скрипел так, что страшно было подойти. Лицо чернее тучи. Видно, про эту семейку Вань он услышал только дурное. С тех пор заперся у себя и даже к обеду не вышел.

Цинъюй невольно вздохнул:

— Опять он сам себя изводит. Пойду посмотрю на него.

— Иди. А рыбу я приготовлю с острой капустой.

— Хорошо.

Путь из кухни лежал через западную пристройку и главный зал. В восточной части дома располагалась комната его родителей. Соломенные стены плохо держали звук, и, стоя за дверью, Цинъюй услышал, как отец неуклюже пытается утешить своего фулана.

— Раз эта сваха Цай такая бесстыжая, больше мы её не позовем. Не губи ты себя из-за неё.

— Ты только подумай, Синъюн! Разве наша семья её когда обидела? Каждый раз, как она ни придет, приносит с собой такие угощения, что сама их есть жалела. Ладно бы чужая была, но ведь за добро добром платить надо... А она? Ест наш хлеб, берет наши подарки и при этом подсовывает нашему гээр такое сватовство!

— Верно, верно, — покорно поддакивал Тао Далан. — Кругом она виновата. Не сердись, лада мой, не сердись.

— Как мне не сердиться?! Да я места себе не нахожу!

Цинъюй покачал головой. Увидев в зале бабушку, которая ободряюще кивнула ему на дверь, он глубоко вздохнул и негромко постучал.

— Не голоден я, не буду есть! — отозвались изнутри. — Оставьте меня в покое.

Дверь была не заперта, и юноша осторожно толкнул её.

— Папа, разве можно так? Коли не поест, так и сил не будет.

Фан У, увидев сына, лишь тяжело вздохнул:

— Я так зол, что сыт одним гневом.

Тао Далан при виде Цинъюя заметно приободрился и одними глазами взмолился: «Успокой его».

Цинъюй понимающе моргнул. Он присел перед папой, положив руки на его колени, и жалобно, совсем по-детски, протянул:

— Папа, у меня сердце болит.

— Где? Где болит?! — Фан У вмиг позабыл о своей обиде. Он вскочил, ощупывая сына с головы до ног.

Цинъюй перехватил его дрожащие руки и прижался лбом к плечу отца.

— Сердце болит оттого, что мой папа голодает. Я боюсь, что папа заболеет. Вот и сердце болит.

— Ах ты... — Фан У легонько шлепнул его по плечу. — Ты меня до смерти напугать решил?

— Это папа меня пугает. Люди едят зерно, как можно голодать? Если с тобой что случится, я тебе такое сердце покажу.

Фан У почувствовал, как сердце его тает. Глядя на живого и здорового сына, он ощутил, как долгое напряжение последних часов наконец отпускает. Пока Цинъюя не было дома, в его голове рисовались одна страшнее другой картины того, что случилось бы с его ребенком, попади он в ту огненную яму. От этих мыслей его пробирала дрожь, и кусок в горло не лез.

Он глубоко выдохнул, погладил сына по голове и тихо произнес:

— С семьей Вань покончено.

— М?

Фан У чуть отстранил его, поджав губы:

— Я сказал: с семьей Вань покончено.

Цинъюй весело улыбнулся:

— Я и не сомневался, что ты так решишь.

— Хм!

Видя, что гроза миновала, Тао Далан радостно воскликнул:

— Пойду принесу чего-нибудь поесть!

— Куда ты! — осадил его Фан У. — Ужинать будем все вместе.

— Нет-нет, батюшка, иди скорее, — настоял Цинъюй.

Когда они остались вдвоем, папа взял руки сына в свои. Нащупав подушечками пальцев мозоли на ладонях Цинъюя, он почувствовал, как к горлу подкатывает комок, а глаза наполняются влагой.

— Будь она проклята, эта старая ведьма... А ведь я ей верил.

Юноша терпеть не мог слез своего папы. Он тут же принялся его дразнить:

— Ну же, не плачь. Мой У-гээр самый сильный.

Фан У осекся, лицо его застыло, а затем он с притворным гневом ущипнул сына за щеку:

— Да у тебя никак кожа зачесалась? Совсем стыд потерял, с отцом так разговаривать!

— Ой-ой, больно! Батюшка, спасай!

— Спасать его вздумал... Ну-ка, кто тут рискнет мне мешать?

С шутками и прибаутками папу удалось окончательно успокоить. Потирая покрасневшую щеку, Цинъюй тенью следовал за ним в кухню. Там их ждала теплая каша, специально оставленная для хозяина. Когда всё семейство собралось вместе, разговор о несостоявшемся сватовстве зашел на новый лад.

— Расспросил я людей, — говорил Синъюн, уплетая кашу. — Семья Вань никуда не годится. Гнездо сорняков и паразитов, не бывать им родней нашему Юй-гээр.

— А та палка у ворот... — робко вставил отец.

— Да так, припугнул эту старую лису Цай, чтоб знала, — отрезал Фан У.

Дед с бабкой переглянулись и облегченно вздохнули.

— Вот и ладно, вот и хорошо...

Слушать в десятый раз про грехи семейства Вань Цинъюю было неинтересно. Он ускользнул в комнату, взял мешочек с кормом и направился на задний двор. Там, под навесом, рядом с птичником и свинарником, стояли два огромных деревянных чана, сделанных когда-то тремя мужчинами семьи Тао из крепкого кипариса специально для маленького Цинъюя.

Чаны были широкими, больше четырех чи в диаметре — настоящий бассейн для рыбок. Вода в них отливала прозрачной зеленью, а в глубине плавали сокровища юноши: несколько десятков золотых рыбок.

Цинъюй приблизился и бросил в воду сушеных личинок. Тотчас к поверхности устремились «Львиная голова», изящные «Драконий глаз с бабочковым хвостом» и статные рыбки с красными шапочками. Каждая рыбка была результатом его многолетних трудов, его гордостью.

— Опять ты со своими рыбками?

— Папа.

Фан У подошел ближе. Глядя на лениво скользящих в воде красавиц, он почувствовал, как в душе воцаряется покой.

— Мы с твоим отцом всё обсудили, — заговорил он после долгого молчания. — Насчет твоей свадьбы... Решай сам.

Цинъюй удивленно поднял глаза.

— Что ты так смотришь? У меня что, грязь на лице?

Юноша невольно улыбнулся:

— Папа, неужто ты передумал меня воспитывать?

— ...Меньше болтай! — Фан У поджал губы. — Ты у нас с детства упрямый, своего не упустишь. Что с этими рыбками, что с торговлей на рынке — всегда по-своему делаешь. Твой отец сегодня верно сказал: ты с малых лет добивался всего, чего хотел, позволяли мы тебе или нет. Всё у тебя в руках спорится.

Цинъюй скромно потупился. Его папа, глядя на него, не выдержал и улыбнулся:

— В общем, я так решил: хочешь ли замуж идти, хочешь ли мужа в дом брать — дело твое. Мы с отцом еще крепкие, присмотрим за тобой несколько десятков лет. Выбирай того, кто сердцу мил, а мы мешать не станем. На том и порешим. Больше я в это не вмешиваюсь.

— Как это — не вмешиваешься? — Цинъюй качнул головой. — Папа не может меня бросить.

— Хм! Будто ты меня когда слушал... У кого в этом доме воля тверже всех? То-то же.

Фан У шутливо дернул его за ухо и ушел. Юноша опустил взгляд на воду и коснулся пальцем красного нароста на голове маленькой рыбки.

— Поздравляю. Нас больше не будут изводить нотациями.

Зимой темнеет рано, а под дождем сумерки сгустились еще быстрее. К часу Обезьяны небо окончательно почернело. В доме поужинали засветло, немного посидели у огня и разошлись по постелям.

К ночи дождь припустил сильнее. Крупные капли дробили по крыше, точно рассыпанный жемчуг, и этот мерный стук окутал весь дом. Цинъюй жил в восточной пристройке северного крыла, отдельно от родителей. В такие ночи спится особенно сладко, и даже редкий лай соседских собак не мог потревожить сон.

Ближе к утру дождь стих.

Внезапно в тишине двора раздался едва слышный шорох. Тао Далан, годами охранявший рыбные пруды, мгновенно открыл глаза. Его фулан мирно спал рядом, пригревшись под боком.

«Кто бы это мог быть?»

Подумав о рыбе, Синъюн осторожно высвободился из-под одеяла, поправил его, чтобы не

будить папу, и собрался выйти на разведку. Но не успел он коснуться пола, как за стеной, в комнате сына, скрипнула дверь.

«Зачем Юй-гээр вставать в такую рань? — Синъюн насторожился. — Ведь у него в комнате есть ночное ведро...»

Не успел он сделать и шага, как ночную тишину прорезал резкий вскрик.

Цинъюй!

Сердце отца ушло в пятки. Он схватил тяжелую деревянную дубинку, что всегда стояла у двери, и бросился в соседнюю комнату:

— Цинъюй!

— Отец! Здесь вор!

Цинъюй спал крепко, но привычка чутко караулить пруды не оставила его и во сне. Едва в комнате послышался шорох, он пробудился, а когда почувствовал, как чья-то рука пытается зажать ему рот, мгновенно пришел в себя. Задержав дыхание, он резким движением отбросил нападавшего. Тот явно не ожидал от гээр такой силы и повалился на пол. Юноша, не теряя ни секунды, закричал, призывая на помощь, и со всей яростью ударил незваного гостя ногой в пах.

В этот миг дверь распахнулась, и в комнату ворвался отец. Дубинка со свистом рассекла воздух. Незнакомец, видно, хорошо ориентировался в доме: он сумел уклониться от сокрушительного удара, хотя палка и задела его по ноге. Оказавшись зажатым между отцом и сыном, он, не раздумывая, бросился в окно.

Тао Далан кинулся следом. Вскоре к погоне присоединился и его младший брат, Тао Синван.

В доме один за другим зажигались огни. Перепуганный Фан У прибежал в комнату сына и принялся лихорадочно его осматривать.

— Всё хорошо, папа, — Цинъюй перехватил его дрожащие руки. — Он не успел ничего сделать.

— «Не успел!»! Да если бы... — Папа не мог договорить от охватившего его ужаса.

Вскоре собралась вся семья. Дед Тао, набросив на плечи халат, тяжело откашлялся:

— Видно, кто-то давно на нашего Юй-гээр зарился.

Вор не искал денег — он сразу потянулся к самому юноше. Не будь Цинъюй так крепок и привычен к ночным дозорам, беды было бы не миновать.

Ян Цюэ задумчиво произнес:

— Наш Юй-гээр лицом краше всех в округе. В деревне Баопин хоть и ворчат, что он в годах, а любой парень втайне мечтает его в жены взять.

Лицом юноша и впрямь удался — во всей деревне не сыскать было ему равных. Но чтобы кто-то из местных решился на такое... Ян Цюэ уже догадывался, чьих это рук дело, но, глядя на бледного от страха Фан У, промолчал.

Через четверть часа вернулись Далан и Синван. Лица их были хмуры — поймать мерзавца не удалось.

— Увидели, кто это был? — спросил Ян Цюэ.

— Тьма непроглядная, — ответил младший брат. — Но точно не из наших.

— Он к горам подался, — пробасил Далан, с которого ручьями стекала вода — в пылу погони он угодил в канаву. — Дорог не знает, спотыкался на каждом шагу. Мы его почти нагнали, да он в овраг скатился. В лесу глаз выколи — ушел.

Фан У погнал мужа переодеваться.

— И что теперь делать? — спросил Ян Цюэ.

— Нужно в управу заявить... — неуверенно предложил Синван.

— Не помогут они, — негромко отозвался Цинъюй.

В уезде Миншуй каждый знал: от нынешнего уездного начальника проку не дождешься. Чжао Чэнпэн был известен своей алчностью, и суд вершился лишь для тех, у кого серебра было больше. Сколько жалоб писали в область Цзяньян — всё напрасно.

Раз власти молчат, придется самим правду искать.

Цинъюй мельком глянул на закрытую дверь соседней комнаты и тихо произнес:

— Сдается мне, это оттуда ветерок дует... Пройдет пара дней, и мы всё узнаем.

Ян Цюэ перехватил его взгляд. Они думали об одном и том же.

<http://bllate.org/book/15858/1437657>